

*Посвящается читателям романа
«Прикосновение тьмы»
Спасибо за ваш горячий интерес
и любовь к Аиду и Персефоне*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Стрела судьбы, когда ее ожидают, летит медленно.

Данте Алигьери, «Рай»

ГЛАВА I

ПРИКОСНОВЕНИЕ СОМНЕНИЯ

Персефона шла вдоль берега реки Стикс. Рваные волны разбивались о темную поверхность, и богиня напряглась, вспомнив, как впервые спустилась в подземное царство. Она тогда попыталась переплыть широкую реку, не зная о мертвецах, что скрывались в ее пучинах. Они утащили ее под воду, вцепившись костлявыми пальцами ей в кожу, — напасть на богиню их заставило непреодолимое желание уничтожить жизнь.

Персефона уже думала, что утонет, когда ей на помощь пришел Гермес.

Все это отнюдь не порадовало Аида, но он отнес ее к себе во дворец и залечил раны. Позже она узнала, что трупы в реке были древними мертвецами, прибывшими в подземное царство без монеты, чтобы заплатить Харону. Приговоренные навечно оставаться в реке, они стали одним из многочисленных способов Аида защитить границы своего царства — от живых, что хотели в него проникнуть, и мертвых, что хотели его покинуть.

Хотя Персефона чувствовала себя неуютно рядом с рекой, пейзаж вокруг был прекрасен. Стикс тянулся на мили, соединяясь с горизонтом, который оттеняли мрачные горы. Берега были усеяны белыми нарциссами, что горели на темной поверхности подобно белому огню. Напротив гор, у горизонта, виднелся дворец Аида, башни которого устремлялись в небо, словно острые концы его обсидиановой короны.

Рядом с богиней шла Юри, молодая девушка с густыми длинными кудрявыми волосами и оливковой кожей. На ней были розовые одежды и кожаные сандалии — этот ансамбль ярко выделялся на фоне мрачных гор и черной воды. Юри и Персефона быстро подружились и часто вместе отправлялись на прогулки по долине Асфодель, но сегодня Персефона убедила девушку отклониться от их привычного маршрута.

Она взглянула на спутницу, с которой шла под руку, и спросила:

— Как давно ты здесь, Юри?

Персефона догадывалась, что душа провела здесь уже немало времени, судя по традиционному пеплосу, в который та была одета.

Тонкие брови Юри сошлись на переносице.

— Я не знаю. Давно.

— А ты помнишь, каким было подземное царство, когда ты здесь оказалась?

Персефоне хотелось задать множество вопросов о том, каким подземное царство было в античности — та его версия по-прежнему тяготила Аида, заставляла стыдиться и чувствовать себя недостойным людского почитания и хвалы.

— Да. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь забыть, — она неловко рассмеялась. — Оно было совсем другим.

— Расскажи мне, — попросила Персефона. Несмотря на интерес к прошлому Аида и истории подземного царства, она не могла отрицать, что в глубине души боялась услышать правду.

Что, если ей не понравится то, что она узнает?

— Подземное царство было... унылым. Здесь не было *ничего*. Мы все бесцветные, в тесноте. Не было ни дня, ни ночи, только монотонная серость, и мы существовали в ней.

Значит, они и правда были *теньями* — тенью самих себя.

Когда Персефона впервые оказалась в подземном царстве, Аид привел ее в сад. Она была ужасно зла на него. Он бросил ей вызов — богиня должна была создать жизнь в подземном царстве после того, как проиграла ему в покер. Она не осознавала, к каким последствиям приведет ее приглашение сыграть, не понимала, что Аид согласился присоединиться к ней, чтобы

связать контрактом. Озвученные им условия привели ее в еще большую ярость, когда она увидела его сад — роскошный оазис с яркими цветами и ивами. Потом он признался ей, что это иллюзия. Под раскинутыми им чарами оставалась все та же земля из пепла и огня.

— Звучит как наказание, — произнесла Персефона, размышляя над тем, насколько ужасно такое бесцельное существование.

Юри слабо улыбнулась и пожала плечами.

— Это был наш приговор за то, что мы жили заурядной жизнью.

Персефона поморщилась. Она знала, что в древние времена лишь герои могли ожидать эйфористического пребывания в подземном царстве.

— Из-за чего все изменилось?

— Я точно не знаю. Ходили слухи, что смертная, которую любил Аид, умерла и отправилась сюда.

Персефона нахмурилась. Она задалась вопросом, было ли это хоть отчасти правдиво, учитывая, что подобная перемена произошла с Аидом и после того, как она написала о его сделках со смертными. Его так вдохновила ее критика, что он дал старт проекту «Алкион», включавшему в себя создание современного реабилитационного центра, который должен был оказывать бесплатную помощь смертным, страдающим от всех видов зависимостей.

Ее вдруг охватило неприятное чувство, которое быстро распространилось по всему телу словно чума. Что, если она была не единственной любовницей, вдохновлявшей Аида?

Юри продолжила:

— Я склонна думать, что он просто... решил измениться. Лорд Аид наблюдает за миром. Когда в нем стало меньше хаоса, вместе с ним изменилось и подземное царство.

Едва ли все было так просто. Персефона пыталась разговорить Аида, но он избегал этой темы. И теперь она спрашивала себя, может ли его молчание быть связано не столько с чувством вины, сколько с желанием сохранить в секрете подробности его прошлых романов? Ее мысли метались, поднимая в ней волну неуверенности и сомнений. Скольких женщин любил

Аид? Остались ли у него чувства к кому-то из них? Приводил ли он их в постель, что теперь делил с ней?

От этой мысли у нее все сжалось внутри. К счастью, ее отвлекла группа душ, стоящих на пирсе у реки.

Персефона остановилась и кивнула в сторону толпы:

— Кто это, Юри?

— Новые души.

— А почему они теснятся на берегу Стикса?

Из всех душ, с которыми уже приходилось сталкиваться Персефоне, эти выглядели самыми... мертвыми. Их лица были поникшими, с пепельной кожей. Они жались друг к другу, ссутулившись, со скрещенными на груди руками, и дрожали.

— Потому что они боятся, — ответила Юри таким тоном, словно их страх был очевиден.

— Я не понимаю.

— Большинству из них рассказывали, как ужасны подземное царство и его властелин, так что, когда они умирали, им было страшно отправляться сюда.

Это возмутило Персефону — по большей части потому, что подземное царство не было местом, которого стоит бояться. Но она также обнаружила, что злится на Аиду — за его бездействие и нежелание изменить такое восприятие царства и его самого.

— Никто не успокаивает их, когда они оказываются у врат?

Юри бросила на нее странный взгляд, словно не понимая, почему кто-то вообще должен успокаивать или приветствовать новоприбывшие души.

— Харон перевозит их через Стикс, дальше они должны пройти дорогу до Суда, — сказала Юри. — После этого их либо отправляют к месту покоя, либо приговаривают к вечным страданиям. Так было всегда.

Персефона стиснула челюсти от раздражения. Ей казалось удивительным, что еще минуту назад они разговаривали о том, как сильно изменилось подземное царство, а сейчас вдруг стали свидетелями архаичных обычаев. Не было никаких причин лишать эти души приветственных и успокаивающих слов. Она забрала у Юри свою руку и зашагала к ожидающей группе, замешкавшись при виде того, как они задрожали и отшатнулись от нее.

Она улыбнулась, надеясь, что это уменьшит их волнение:

— Здравствуйте. Меня зовут Персефона.

Души по-прежнему трепетали. Богине следовало знать, что ее имя их не успокоит — все было бессмысленно. Об этом позаботилась ее мать, Деметра, олимпийская богиня плодородия. Из-за своих страхов она продержала Персефону в стеклянной тюрьме большую часть ее жизни, не дав дочери возможность обрести почитателей и тем самым лишив ее сил.

На богиню нахлынула буря эмоций: отчаяние из-за неспособности помочь, грусть от осознания собственного бессилия и гнев на мать, попытавшуюся обмануть судьбу.

— Вам надо показать им, что вы богиня, — предположила Юри. Она последовала за Персефой, когда та направилась к душам.

— Зачем?

— Это их успокоит. Сейчас вы для них мало чем отличаетесь от остальных душ в подземном царстве. А вот если вы предстанете перед ними богиней, они проникнутся к вам уважением.

Персефона возразила: эти люди не знали ее имени — как ее божественный облик облегчит их страхи?

Потом Юри добавила:

— Мы почитаем богов. Так вы даруете им надежду.

Персефоне не нравился ее божественный облик. Она долго не могла принять себя в качестве богини, пока не обрела силы. И даже когда в ее жизни появилась магия, вдохновленная преклонением Аида, в этом плане мало что изменилось. Она быстро поняла, что обладать магией — одно, а правильно ею пользоваться — совсем другое. И все же для нее было важно, чтобы эти души почувствовали себя радушно принятыми в подземном царстве, чтобы они увидели царство Аида как новое начало. Но больше всего она хотела, чтобы они поняли — они небезразличны своему царю.

Персефона опустила чары, удерживавшие ее смертный образ. Магия, подобно шелку, соскользнула с ее кожи, и она предстала перед душами в неземном сиянии. Ее белые рога, как у лесной антилопы, вдруг показались ей тяжелее, когда она обрела свой настоящий облик. Ее кудрявые волосы посветлели от

медно-золотых до светло-соломенных, а глаза загорелись бутылочно-зеленым цветом.

Она снова улыбнулась душам:

— Я Персефона, богиня весны. Я рада видеть здесь всех вас.

Реакция на ее сияние не заставила себя ждать. Только что дрожавшие души преклонили перед ней колени. Тело Персефоны напряглось, сердце забилося быстрее. Богиня шагнула вперед.

— О нет, пожалуйста. — Она опустилась перед одной из душ — пожилой женщиной с короткими седыми волосами и белой, как бумага, кожей. Богиня дотронулась до ее щеки и заглянула в светло-голубые глаза. — Пожалуйста, встаньте, — сказала она и помогла женщине подняться на ноги.

Остальные души продолжали стоять на коленях, подняв головы. Их взгляды были прикованы к богине.

— Как вас зовут?

— Элинон, — прохрипела женщина.

— Элинон, — Персефона с улыбкой повторила ее имя. — Я надеюсь, что подземное царство покажется вам таким же спокойным и умиротворяющим, как и мне.

Ее слова помогли женщине расправить опущенные плечи. Персефона шагнула к следующей душе, а потом к следующей, пока не поговорила с каждой из них, и все они снова встали.

— Наверное, теперь нам всем нужно пойти к Полю суда.

— О, в этом нет необходимости, — прервала ее Юри. — Танатос!

Перед ними тут же возник крылатый бог смерти. Он был прекрасен в своем мрачном облике, с бледной кожей, кроваво-красными губами и белыми волосами, ниспадавшими ему на плечи. Его голубые глаза были подобны вспышке молнии в ночном небе. Присутствие Танатоса принесло с собой спокойствие, которое Персефона ощутила в груди. Она словно стала невесомой.

— Миледи, — он поклонился. Его голос был мелодичным и звучным.

— Танатос, — Персефона не смогла сдержать широкой улыбки.

Во время их прогулки по Элизию Танатос стал первым, кто заставил ее иначе взглянуть на нелегкую роль Аида в каче-

стве бога мертвых. Его мнение помогло Персефоне немного лучше понять устройство подземного царства и, по правде говоря, дало ей то, без чего она не могла полностью отдаться Аиду.

Она махнула столпившимся душам и представила их богу.

Он едва заметно, но искренне улыбнулся:

— Мы уже знакомы.

— О! — У нее покраснели щеки. — Прости. Я забыла.

Танатос был жнецом душ, и именно его лицо смертные видели последним, прежде чем отправиться на берега Стикса.

— Я как раз собиралась проводить новые души к Полю суда.

Она заметила, что глаза Танатоса слегка распахнулись, и он взглянул на Юри. Та быстро заговорила:

— Леди Персефоне пора возвращаться во дворец. Не могли бы вы проводить их вместо нее, Танатос?

— Конечно, — ответил он, подняв руку к груди. — Буду рад помочь.

Персефона на прощание помахала душам. Танатос повернулся к толпе, раскинул свои крылья и исчез вместе с душами.

Юри обвила своей рукой локоть Персефоны и потянула прочь от берега Стикса, но Персефона воспротивилась.

— Зачем ты это сделала? — спросила богиня.

— Что именно?

— Мне не нужно во дворец, Юри. Я могла бы отвести души к Полю.

— Простите, Персефона. Я боялась, что они засыпят вас просьбами.

— Просьбами? — Она сдвинула брови. — О чем им просить?

— О благах, — объяснила Юри.

Персефона хихикнула:

— Я не в том положении, чтобы одаривать благами.

— Они этого не знают, — пожалала плечами Юри. — Они видят только богиню, которая может помочь им получить аудиенцию у Аида или вернуться в мир живых.

Персефона нахмурилась:

— С чего ты взяла?

— Потому что я была одной из них.